

Смирнов С. Н.

К вопросу о типизации моделей социальной стратификации стран мира (краткий обзор некоторых концепций и авторский комментарий)

Smirnov S. N. To the Question of the Classification Patterns of Social Stratification in the Countries of the World (Brief Overview of Some Concepts and Author's Comment)

Автором рассмотрена проблематика типизации общества. Дан обзор некоторых концепций типизации моделей социальной стратификации различных стран, сформулированных и обоснованных в историко-правовой, исторической, социологической, экономической научной литературе. Определены обстоятельства, затрудняющие формулирование концепций универсального характера, рассчитанных на применение в комплексе наук об обществе. Среди данных обстоятельств — недостаточный учет факторов юридического порядка, включая позицию законодателя, особенности корпоративного правового статуса и характеристики механизма изменения индивидуального правового статуса. Автором предложен вариант классификации типов обществ с точки зрения правового оформления их структуры. Обоснована возможность выделения таких двух типов, как консолидированные общества и сегментированные общества.

Ключевые слова: правовой статус человека, социальная стратификация, концепции, типизация, вертикальная социальная мобильность, социальный лифт.

Контактные данные: 170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33; (962) 241-55-99; e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru.

The author considers the problems of typification of society. Some concepts of typification of social stratification models in different countries formulated and justified in historical and legal, historical, sociological, and economic scientific literature are reviewed. The circumstances that make it difficult to formulate universal concepts designed for application in the complex of social Sciences are identified. These circumstances include insufficient consideration of legal factors, including the position of the legislator, the specifics of the corporate legal status, and the characteristics of the mechanism for changing individual legal status. The author offers a variant of classification of society types from the point of view of legal registration of their structure. The possibility of distinguishing types such as consolidated companies and segmented companies is justified.

Keywords: human legal status, social stratification, concepts, typification, vertical social mobility, social “lifts”.

Contact Details: Zhelyabov Str. 33, Tver, 170100, Russia; (962) 241-55-99; e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru.

В настоящей статье на основе анализа предлагается материал о типизации социальных структур или, иначе говоря, о типизации человеческих обществ с рассмотрением соответствующей историографии, использованием результатов законодательной и правоприменительной практики России, а также некоторых других существующих сегодня или существовавших ранее государств.

Смирнов Сергей Николаевич — директор Института непрерывного образования Тверского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права Тверского государственного университета.

© Смирнов С. Н., 2020

Исследование выполнено в рамках историко-правовой науки. Перспективна, на наш взгляд, разработка концепции правовой цивилизации. Перспективными в связи с этим представляются труды В. А. Бачинина, Л. П. Рассказова, М. А. Суратаева и других авторов [1; 2; 3]. Вполне возможно, что в контексте данной концепции удастся соединить усилия правоведов-компаративистов, правоведов-теоретиков, правоведов-историков, социологов и представителей иных наук, выйти на трансдисциплинарное исследование предмета. Тем не менее в пределах настоящей статьи целесообразно рассмотреть вопрос о типизации национальных моделей социальной иерархии в виде типизации человеческого общества без обращения к известным классификациям правовых семей и иных группировок национальных правовых систем.

Проблематика структурирования общества тесно связана с проблематикой его типизации. Общеизвестны точки зрения о традиционном и техногенном, открытом и закрытом, гомогенном и гетерогенном, индустриальном и постиндустриальном, информационном типах общества, о типах, соответствующих определенной общественно-экономической формации. Указанные точки зрения находят отражение в научной литературе и обоснованы в русле ведущих политико-правовых концепций. Эти концепции общеизвестны и не нуждаются в комментировании в данном случае. В свою очередь, указанные концепции в значительной мере детерминируются тем или иным подходом; прежде всего, формационным или цивилизационным.

Однако исследовательский интерес представляют три обстоятельства. Первое обстоятельство заключается в отсутствии универсальной дефиниции понятия «социальная стратификация». Видимо, с этим связано второе обстоятельство: далеко не во всех классификациях типов общества среди ключевых критериев присутствует принцип структурирования общества. Ввиду этого с учетом целей настоящего исследования целесообразно обратить внимание на концепции типизации общества, которые раскрывают суть именно такого типа структурирования общества.

Третье обстоятельство обусловлено тем, что, рассматривая социальную стратификацию, представители истории, социологии и ряда других «неюридических» наук среди факторов, определяющих положение страты в общественной пирамиде, зачастую не указывают факторы юридического порядка. В качестве примера можно привести точку зрения Л. В. Ярмоленко в отношении социальной стратификации как «особого типа дифференциации общества в виде иерархически упорядоченного неравенства», в котором место социальной группы определяется властью, богатством, престижем [4, с. 4]. Итак, о правовых нормах, о позиции законодателя применительно к перечню данных факторов речь не идет.

При рассмотрении структурирования общества в юридических категориях целесообразно привести некоторые точки зрения представителей «неюридического сегмента» научной историографии. Ряд из них сформулирован исследователями догосударственного этапа общественного развития.

Археолог Р. М. Адамс пишет об эгалитарных, социально-стратифицированных и городских типах общества. Этнограф М. Фрид различает эгалитарные, ранжированные и стратифицированные общества. В эгалитарных обществах отсутствует какая-либо дифференциация (кроме половозрастной), в ранжированных и стратифицированных существует ранговая дифференциация. При этом последняя в ранжированных обществах не препятствует равному доступу к основным экономическим ресурсам, а в стратифицированных обществах дифференциация сопровождается появлением профессиональных управленцев и неравенством в доступе к экономическим ресурсам [5, с. 27]. Э. Сэрвис различает два типа общества: эгалитарное и иерархическое [5, с. 28].

В рамках теории диалектического и исторического материализма, родоначальниками которой стали К. Маркс и Ф. Энгельс, монопольное положение занимает трактовка общественного развития и социальной истории через классообразование и классовую борьбу. Во время существования СССР и других социалистических стран в различных областях научного знания шла активная разработка марксистских подходов к обществоведению. Типы общества соответствовали общественно-экономическим формациям: первобытное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, коммунистическое (социалистическое). В исторической и историко-правовой литературе советского периода при рассмотрении социальной структуры акцент сделан не на правовых, а на экономических характеристиках положения различных категорий. В настоящее время данная теория и данная трактовка имеет сторонников в истории, экономике, социологии, истории государства и права.

В рамках цивилизационного подхода разрабатываются концепции социального развития, исходящие из сложности и многофакторности механизма динамики общества и учитывающие не в последнюю очередь духовно-культурные характеристики общества. Существуют различные варианты типологизации цивилизаций, предложенные М. Вебером, А. Тойнби, другими исследователями.

В числе проблем, возникающих в ходе научного исследования социальной структуры России в рамках цивилизационного подхода, следует назвать проблему границ между цивилизациями. Принимая трактовку А. Тойнби и выделяя тем самым российскую цивилизацию в качестве православной христианской цивилизации, необходимо ответить на вопрос о соотношении цивилизационных и государственных границ, а также на вопрос о границах между православной и западной цивилизациями, между православной и исламской цивилизациями в Восточной Европе и Северо-Западной Азии. В частности, этот вопрос в ретроспективном плане встает применительно к Прибалтике, Великому княжеству Финляндскому, Царству Польскому, иным политико-территориальным образованиям в составе Российской империи.

Теория индустриального общества, основанная на трудах Д. Белла и других исследователей, исходит, как известно, из деления исторических этапов общественного развития на доиндустриальное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество.

Сторонники миросистемного анализа, не акцентирующие ввиду применяемой методологии внимание на обществе в его государственных границах, тем не менее признают роль категорий социальной стратификации. Так, И. Валлерстайн в перечне институтов капиталистической мирэкономике находит место для классов и статусных групп [6, с. 87].

Результатом синтеза философских и социологических исследований стали две масштабные концепции типизации общества. Одна из них базируется на трудах Э. Дюркгейма, Ф. А. Хайека, других исследователей и предлагает распространенную в философской и социологической научной литературе классификацию человеческого общества на индивидуалистическое и коллективистическое (коллективистское). Популярность данной концепции превратила эти понятия в одну из основных оппозиций философии и социологии. Так, А. А. Ивин категорично называет коллективизм и индивидуализм двумя полюсами, между которыми движутся общества и цивилизации [7, с. 6].

Сторонниками данной концепции являются как зарубежные, так и российские исследователи [8; 9; 10]. Обращает на себя внимание «локализация» названной концепции в философии, а отчасти — в социологии и политологии. Полагаем, что выход за пределы социальной философии возможен при условии исследова-

ния роли правовых факторов в развитии социальной структуры. В данном случае мы имеем в виду исключительно научный аспект проблемы, ибо в политическом аспекте указанная концепция давно перешагнула границы теории, получив практическое применение в идеологической и политической борьбе [11].

Сторонники такой классификации предпринимают попытки оценить роль права, роль иных социальных регуляторов в индивидуалистическом и коллективистском обществах. Так, А. С. Гурьянов полагает, что в ходе социализации личности в индивидуалистическом обществе задействуются практически исключительно правовые нормы, а в коллективистском обществе — широкий спектр социальных норм, в котором правовые нормы являются лишь одним из компонентов [12, с. 11].

Еще одна из рассматриваемых концепций является результатом трудов А. Бергсона, К. Поппера и их последователей. Речь идет о разделении человеческих обществ на открытые и закрытые. Данная классификация не противоречит рассмотренной выше конструкции «индивидуализм — коллективизм»; возможно построение логических связей «индивидуалистическое общество — открытое общество» и «коллективистическое общество — закрытое общество».

Ряд отечественных и зарубежных исследователей, прежде всего ученых-философов, продвигают концепцию типизации человеческих обществ, основанную на дуализме понятий «гомогенный» и «гетерогенный». Такая типизация построена на характере воспроизводства общественной жизни. Гомогенное общество понимается как общество равных (в отношении прав и свобод) свободных индивидов. Гетерогенное общество определяется в качестве «социальной системы, основанной на неоднородности социальных индивидов». Под индивидами понимаются не только и не столько физические лица, сколько социальные группы, социальные структуры разного порядка. Неоднородные социальные структуры гетерогенного общества образуют «сборное общество» [13, с. 17–20].

Несмотря на отчетливую локализацию рассматриваемого варианта типизации человеческих обществ в философии, он, по нашему мнению, имеет потенциал для применения в иных областях научного знания, включая историко-правовую науку. Не случайно сторонники этой концепции в число факторов, детерминирующих гомогенность и гетерогенность общества, помимо существенных характеристик социальной жизни, включают стандарты и особенности государственного оформления [13, с. 10].

Используя соответствующую терминологию, А. С. Панарин определяет Россию «с самого начала» как «гетерогенное западно-восточное образование», синтезирующее различные цивилизационные начала [14, с. 46]. Взгляды на вопрос социальной стратификации изложены в рамках школы новой институциональной экономики. Выход за рамки традиционной экономической науки, применение методов микроэкономического анализа при характеристике смежных с экономикой социальных явлений позволили сформулировать наблюдения и выводы в отношении интересующей нас проблематики. Традиции Р. Коуза продолжены О. Уильямсоном, Д. Нортон и другими учеными.

Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст, оперируя терминами «модель социальной организации», «социальный порядок», «социальная иерархия», «элита», «неэлита», «политическая система», «право», «закон», «равноправие», рассматривают социальную структуру исключительно в социологическом и экономическом ключе. Применительно к естественному государству они указывают на властную элиту, «неэлиту», на неформальные и контрактные организации, которые «обеспечивают связи элит с неэлитами» [15, с. 88–94]. Роль законодателя (как в прошедшие эпохи, так и в настоящее время) в официальном закреплении той или

иной формы социальной иерархии, в узаконении тех или иных способов повышения или снижения индивидами своего правового статуса находится вне объекта их исследования. Показателен факт отсутствия терминов «правовой статус», «сословие» [15, с. 88–94]. При этом предлагаемая авторами классификация социальных порядков (социальных моделей) заслуживает внимания.

Не посвящая специальных исследований проблематике социальной стратификации, К. Ясперс не только оперирует соответствующей терминологией (классы, элита, аристократия), но и высказал мнение о некоторых «технологических моментах» процесса генезиса элиты и о ее составе. Приручение лошади стало, по К. Ясперсу, одним из ключевых событий, которые привели к появлению «господствующего слоя» [16, с. 72]. Элита может быть «зафиксирована», превратившись в «диктаторское меньшинство». Очевидно, под фиксацией исследователь имел в виду организационные меры со стороны элиты и организационные и правовые меры со стороны государства. Оптимальным, по мнению К. Ясперса, является формирование аристократического слоя, который «постоянно пополняется из всех слоев населения в зависимости от личной деятельности, заслуг и успехов». В этом случае к данному слою невозможно применить термины «класс» и «элита» [16, с. 175].

О. Шпенглер разделяет крестьянство, которое он определял как природу, как нечто естественное и в некотором смысле неисторичное, неизменное, и общество, которое являлось формализованной частью социума, культуры, которое подвергалось эволюции и которое, собственно, и творило историю [17, с. 789]. Именно общество, в отличие от крестьянства, делилось на сословия и классы.

К. Мангейм, размышляя о взаимодействии социальных групп, пишет о понятии «социальная дистанция». В это понятие он включает и явление вертикальной дистанции между лицами, занимающими неравное положение в иерархической системе. Правда, акцент он делает не на правовых технологиях и атрибутах социального дистанцирования, а на бытовых, поведенческих и т. п. [18, с. 220–221].

Возвращаясь к отечественным научным исследованиям в аспекте типизации человеческих обществ и общей характеристики социальной организации, обратимся к нескольким авторам исторических, социологических и экономических трудов. Н. И. Кареев трактует социальную структуру общества как компонент «общей над-органической среды». В структуру общества он включает политические, юридические и экономические формы; социальная организация в данной трактовке включает в себя государство, право и народное хозяйство [19, с. 117]. Социальная структура служит для отдельных людей не только «над-органической средой», но и организацией, «ставящей их в разные общественные положения и заставляющей их исполнять неодинаковые функции» [19, с. 121]. Н. И. Кареев подчеркивает сложный характер социальной структуры, отмечает, что человек может одновременно принадлежать к «разным коллективностям»: национальностям, вероисповеданиям, сословиям, профессиям, партиям [19, с. 141]. Другими словами, автор не выделяет законодательно оформленную принадлежность к определенной социальной группе в перечне общностей разного вида и с различной правовой природой.

П. Г. Виноградов, подчеркивая, что «в настоящее время никто не сомневается, что развитие общества в основе своей является органическим», полагает, что «семья, род, племя, государство, церковь могут быть рассматриваемы как обособленные организмы». Вместе с тем он различает определенно организованные общественные союзы, «сознательно преследующие свои цели и снабженные определенной властью», и общественные группы, не обладающие «юридически опре-

деленной волей и властью». К первому типу общественных союзов П. Г. Виноградов относит государство, церковь, семью, ко второму типу — народ. Один и тот же человек входит в состав сразу нескольких общественных союзов и групп, что препятствует созданию единой высшей органической группировки [20, с. 294–297]. Исследуя взгляды П. Г. Виноградова по вопросу о социальной анатомии истории, А. В. Малинов обращает внимание на его мнение о порядке взаимодействия человеческих союзов и личности [21, с. 145–146].

Н. Я. Данилевский, характеризуя цивилизации различных культурно-исторических типов, говорит о четырех разрядах культурной деятельности. Если исходить из его концепции, то к социальной стратификации имеет отношение политическая деятельность, под которой автор понимает «отношения людей между собою как членов одного народного целого», и частично общественно-экономическая деятельность [22, с. 491].

Современная наука выработала понятие «социальный тип». А. Э. Якубовским оно, по сути, предлагается в качестве замены понятия «класс». При этом данное понятие лишено каких-либо правовых характеристик [23, с. 132]. Движущие силы трансформации общества Л. В. Карнаушенко определяет как «социотехнические факторы». Он принимает и использует термины «информационное общество» и «новое постиндустриальное общество» применительно к современному этапу общественного развития [24, с. 173–174].

На примере индийского общества о многочисленных этнолингвистических, этнотерриториальных, расовых, конфессиональных, локальных общностях и других категориях, переплетенных «в ткани сегментированной общественной системы», пишет Е. Н. Успенская. Рассматривая касты как основную форму иерархически ранжированных эндогамных общностей для реализации традиционных социальных связей, она отмечает, что в научных представлениях об индийском обществе каста «не совсем правомерно выдвинута на главное место» [25, с. 3]. Тезис исследователя о том, что «кастовый строй соответствует мировоззренческим основам индийской культуры», по сути, локализует касту как тип социальной стратификации в границах Индийского государства [25, с. 3–4].

А. В. Новиков, оперируя категориями экономической науки, высказывает мнение о наличии «западно-европейской» и «восточно-азиатской» моделей экономического развития. Тип модели определяется «особенностями национального экономического менталитета» и «отражается в складывающихся на протяжении времени большой длительности определенных социально-экономических институтах». Применительно к России автор называет такие институты, как сельская община, власть, собственность и православие. Включение в состав основных характеристик экономических моделей названных политических и правовых институций придает предложенной автором классификации моделей «надэкономический», универсальный формат [26, с. 3].

В современной социальной философии с позиций методологии управления обществом последнее рассматривается как совокупность управляющей и управляемой подсистем [27, с. 17].

Изучение общества на микроуровне необходимо для формирования научно обоснованной картины социальной структур. Однако в контексте целей настоящей статьи подчеркнем важность макроуровня знаний о структурных компонентах общества.

Не умаляя значения исследований об эволюции общественных структур посредством методов «неюридических» наук, акцентируем внимание на важности изучения проблематики в историко-правовом ключе. Изучение государственной политики в аспекте вопроса правового оформления социальной структуры, наделения правами и обязанностями членов общества, закрепления способов из-

менения положения человека в обществе позволяет выявить механизм развития структуры общества. Нормотворческая и правоприменительная деятельность наряду с волеизъявлением людей выступают в качестве компонентов данного механизма.

Известно, что в отношении общих принципов структурирования человеческого общества и юридического оформления его структуры существует несколько различных подходов законодателя и множество разных вариантов в каждом из этих подходов. Будем исходить из общесоциального понимания сущности государства и, соответственно, не разделяем классового, националистического понимания. Охарактеризуем некоторые концептуальные подходы в научной историко-правовой литературе к определению типов организации российского общества в различные периоды отечественной истории.

А. Д. Градовский акцентирует внимание на экономических условиях и интересах как основе построения той или иной организации народа. Он называет три основных типа общественных организаций: касты, сословия, классы. Касты, по словам автора, «суть такие группы, различие которых основано на религиозных воззрениях» [28, с. 16–17]. В отличие от каст «разделение на сословия носит уже политический характер», при этом «условия возникновения сословий были отчасти экономические, отчасти политические». Классы образовались после «падения сословного начала», государством был признан «принцип равноправности». Различие людей между собой основывалось теперь не на сословных привилегиях, а на «фактических основаниях», к которым А. Д. Градовский относит различие в степени богатства, политических взглядах и «по роду занятий» [28, с. 17–20].

Предложенная конструкция выглядит логичной. Вместе с тем очевидны ее проблемные места. Несмотря на то, что данная концепция создана в рамках правовой науки, нельзя не заметить, что в ее основе находятся политические, экономические и конфессиональные, а не юридические факторы. Не отрицая значения указанных факторов, полагаем, что учет юридического фактора, например, в виде позиции законодателя, необходим для создания достоверной и универсальной концепции типизации моделей социальной стратификации. Кроме того, видны проблемы в области полноты конструкции А. Д. Градовского. Одна из таких проблем — каста — решается просто. Каста, как известно, появилась и существует как социально-правовой феномен в цивилизациях Индостана. Узкую локализацию данного понятия легко можно преодолеть допущением по поводу того, что термином «каста» обозначаются социальные группы во всех обществах, имеющие соответствующие характеристики своего корпоративного правового статуса. Придется сделать допущение и в отношении того, что кастовые различия основаны отнюдь не на исключительно религиозных воззрениях, а также на иных обстоятельствах, например, этнического, территориального, правового порядка. «Кастовая проблема» является отнюдь не самой главной и самой сложной при выстраивании концепции типизации моделей социальной стратификации.

Известно, что в разных цивилизациях социальная иерархия конституировалась на основе непризнания законодателем качеств человека за частью индивидов. Хрестоматийные примеры — древнегреческое и древнеримское общества античной цивилизации времен существования классического рабства. Рабы не только не обладали качествами субъекта права, они официально не признавались частью общества. Понятно наше отношение к данному обстоятельству с позиций морали и современного права. Однако нельзя не учитывать позицию законодателя того времени. В этом смысле рабы в античной Европе не составляли и не могли составлять ни класса, ни сословия, ни касты. Близка к такой позиции позиция законодателя Древнего Вавилона. Однако, как известно, верховная государствен-

ная власть, не признавая за рабами качеств человеческой личности, санкционировала обладание ими некоторыми субъективными правами, присущими членам общества. Самое «яркое» из них — право на вступление в официальный брак со свободными людьми, закрепленное Законами царя Хаммурапи.

Юридически положение человека в обществе государство оформляет через установление системы правовых статусов индивидов и социальных групп. Следовательно, такие понятия существуют имманентно, постоянно и независимо от сущности и формы государства, правосознания общества, состояния научной историографии, наличия соответствующей терминологии и иных преходящих факторов. Именно правовой статус человека выступает в качестве правовой характеристики, позволяющей «юридизировать» типологию человеческого общества. Второй характеристикой, причем также характеристикой «правового формата», является конституированный законодателем организационно-правовой механизм изменения своего правового статуса индивидами и социальными группами. Без использования критериев правового или, если угодно, организационно-правового характера любой предлагаемый вариант типизации будет иметь ту степень универсальности, которая позволит использовать его в комплексе наук об обществе.

В связи с вышеизложенным полагаем, что необходимо указать следующее:

- в определении типов социальных страт следует исходить из сущностных характеристик их корпоративного правового статуса, из факта наличия или отсутствия доступа представителей страт к механизму изменения правового статуса;
- в определении типов моделей социальной иерархии следует исходить из сущностных характеристик системы правовых статусов индивидов и социальных групп и организационно-правового механизма социальной мобильности.

Приведем некоторые пояснения терминологического порядка. В обществе любого типа функционирует тот или иной механизм изменения индивидуально-правового статуса или, иначе говоря, организационно-правовой механизм социальной мобильности. В категориях «неюридических» наук этот механизм можно назвать социальным лифтом. Нам близка концепция, предусматривающая выделение таких видов социальных страт, как каста, сословие, класс. Не отвергая большинство из определений, данных этим понятиям, считаем необходимым дополнить эти определения следующими уточнениями.

Каста — социальная страта, принадлежность к которой устанавливается рождением и не может быть по общему правилу изменена не только самостоятельным решением человека, но даже с санкции государственной власти. Сословие представляет собой социальную страту, принадлежность к которой устанавливается или прекращается с санкции государственной власти путем выполнения определенных юридических и организационных процедур. Класс — социальная страта, принадлежность к которой устанавливается и прекращается индивидом по своей инициативе без необходимости получения санкции со стороны государственной власти. Нахождение в составе того или иного класса зависит от профиля и характера реализации человеком своих творческих способностей. Во многих случаях реализация человеком творческих способностей означает ведение экономической деятельности. Изменение классовой принадлежности осуществляется путем изменения маршрута своей творческой деятельности, т. е. изменения ее профиля и (или) характера.

В каждом из перечисленных видов социальных страт могут существовать (и в действительности существуют) страты нижестоящего уровня. Определив свою

позицию по вопросу о видах и характеристиках основных социальных страт, перейдем к изложению собственной концепции по вопросу о классификации моделей социальной иерархии или, иначе говоря, классификации типов общества. Перечислим некоторые постулаты, из которых мы исходили при конструировании своей классификации типов общества в зависимости от сущности социальной иерархии:

1. Социальное неравенство есть факт объективной реальности; это не оценочная категория, это не «хорошо» или «плохо», это есть непреходящая данность.
2. Социальное неравенство, не доходящее до «крайностей», при наличии хорошо функционирующего механизма социальной мобильности не препятствует формированию общественного сознания, единого самосознания и консолидации общества в критически важные для него исторические моменты.
3. Динамизм типологии общества и ее «привязка» к конкретному историческому периоду.
4. Применение в классификации критериев правового порядка, т. е. критериев, характеризующих развитие правовых явлений.

Научная классификация не заключается в приклеивании идеологических, политических и иных ярлыков оценочного характера. Исключение законодателем части населения, имеющего статус рабов, холопов, из общественной, экономической и политической жизни — акт дискриминационного характера. С позиций права и морали современных цивилизаций мы не можем признать позитивными такого рода действия государственной власти. Однако в определенные исторические периоды или в определенных общественно-правовых реалиях наличие социальных групп с правовым статусом, равным или приближающимся к статусу объекта права, является ординарным фактом. Например, в Древнем мире наличие института рабовладения в стране не свидетельствует о каких-либо «дефектах» общества, права или государства, об аморальности действий законодателя и правоприменителя, об «отсталости» модели социальной стратификации. И наоборот, отсутствие в этот же период рабов не дает основания для поиска превосходства данного общества, данного этноса и данного государства над рабовладельческими обществами.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить два типа обществ: консолидированные общества и сегментированные общества. Данную классификацию целесообразно провести с учетом соображений философского, социологического или экономического порядка, но с опорой на критерии, имеющие правовую природу. В качестве двух главных критериев правового порядка выступают характер основного статуса в системе правовых статусов человека и сущность механизма изменения индивидуального правового статуса (механизма вертикальной социальной мобильности).

В консолидированном обществе вершину пирамиды правовых статусов занимает общий для всех его членов правовой статус. В терминологии настоящего времени в качестве такого статуса выступает конституционный статус. Иначе говоря, в консолидированном обществе на вершине системы правовых статусов человека находится конституционный статус (или аналогичный ему правовой статус в ранние исторические периоды). Сословный или иной корпоративный статус должен занимать подчиненное место. Подчеркнем, что речь не идет об отсутствии в системе правовых статусов сословного или иного корпоративного статуса; речь идет о его месте в этой системе. Юридически оформленный и организационно обеспеченный доступ к основным каналам социальной мобильности

должны иметь все члены общества. Таким образом, доступ к организационно-правовому механизму вертикальной социальной мобильности в консолидированном обществе имеют представители всех социальных групп; при этом социальный лифт работает на всех «этажах социального здания».

В сегментированном обществе общий правовой статус отсутствует или имеет второстепенное значение. Главную роль в системе правовых статусов играет какой-либо корпоративный статус. Доступ к основным каналам социальной мобильности для части членов общества юридически закрыт или организационно затруднен. В сегментированном обществе существуют социальные группы, представителям которых закрыт доступ в элиту общества. Проводя параллели технического порядка, можно утверждать, что в сегментированном обществе социальный лифт, движущийся с самого нижнего этажа на самый верхний этаж, отсутствует в принципе либо находится «в нерабочем состоянии».

Вместе с тем следует учитывать наличие и функционирование социальных лифтов ординарного порядка, рассчитанных на значительное число индивидов и использующихся по инициативе последних. В человеческих обществах различных стран, континентов всех исторических периодов даже при отсутствии общего правового статуса были примеры вертикальной мобильности отдельных представителей социальных групп, располагавшихся в нижней части социальной иерархии, вхождение этих представителей в состав элиты. Движущими силами этой мобильности служили фаворитизм, участие во внутригосударственных конфликтах и пр. Однако подобные примеры свидетельствуют о действии экстраординарных механизмов мобильности, которые рассчитаны на единичные случаи их использования либо функционируют в чрезвычайных ситуациях и не могут рассматриваться при определении типа общества.

Несмотря на некоторое кажущееся сходство с классификацией, различающей гомогенные и гетерогенные общества, предлагаемая нами классификация основана на иных критериях и иных представлениях о структуре общества. Консолидированное общество в нашей концепции не есть общество гомогенное. И консолидированное, и сегментированное общество представляют собой общность индивидов и систему различных социальных страт. И консолидированное, и сегментированное общество обладают механизмом изменения индивидуального правового статуса. Естественно, наблюдаются различия как в количестве каналов социальной мобильности, значении, «удельном весе» каждого из каналов, так и в степени доступности их для различных страт. Формирование и регулярная модернизация организационно-правового механизма социальной мобильности есть необходимое условие эволюции общества и успешного ответа на возникающие вызовы для любого типа обществ.

Полагаем, что рассмотренный нами вариант типизации моделей социальной стратификации сформулирован с учетом различных критериев, включая критерии правового порядка, и может быть применен как в историко-правовой науке, так и в других общественных науках.

Литература

1. Рассказов Л. П. Цивилизационный подход к классификации правовых систем // *Философия права*. 2014. № 3 (64). С. 52–55.
2. Рассказов Л. П. К вопросу о критериях классификации правовых систем: цивилизованный подход. Тенденции сближения правовых семей в условиях глобализации [Электронный ресурс] // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2015. № 111. С. 134–150. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/07/pdf/08.pdf> (дата обращения: 20.06.2020).

3. *Супатаев М. А.* К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 143 с.
4. *Ярмоленко Л. В.* Социальная стратификация: теории и реальность: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 1995. 18 с.
5. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983. 432 с.
6. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
7. *Ивин А. А.* Новая философия истории: монография. М., Берлин: Директ-Медиа, 2016. 255 с.
8. *Барина С. Г.* Социальная детерминация и способы производства общественной жизни: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2004. 152 с.
9. *Зенько А. А.* Общество и оформление его социальности: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2000. 153 с.
10. *Мельникова Т. В.* Основные типы общества и правосознания: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2000. 159 с.
11. *Рахмиров П. Ю.* Свой среди чужих, чужой среди своих: Ф. А. Хайек и консерватизм // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 3. С. 54–66.
12. *Гурьянов А. С.* Социализация личности в различных типах общества (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2010. 156 с.
13. *Фибих Е. В.* Способы воспроизводства общественной жизни гомогенного и гетерогенного типов общества (социально-философский анализ): автореф. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2012. 27 с.
14. *Панарин А. С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ЦОП Ин-та философии РАН, 1994. 262 с.
15. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011. 480 с.
16. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
17. *Шпенглер О.* Закат западного мира: очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2017. 1085 с.
18. *Манхейм К.* Избранное. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: РАО Говорящая книга, 2010. 744 с.
19. *Кареев Н. И.* Историология (теория исторического процесса). Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
20. *Виноградов П. Г.* О прогрессе // Вопросы философии и психологии. 1898. Год IX. Кн. 42. С. 254–313.
21. *Малинов А. В.* Очерки по истории философии в России: в 2 т. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2013. 494 с.
22. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 560 с.
23. *Якубовский А. Э.* Социальный тип — гипотеза и инструмент исследования социальной структуры // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 131–133.
24. *Карнаушенко Л. В.* Электронное государство в «открытом» постиндустриальном обществе XXI в.: основные угрозы и вызовы // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 173–176.
25. *Успенская Е. Н.* Этнокастовые общности в контексте формирования и функционирования индийской традиционной социальной организации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010. 50 с.
26. *Новиков А. В.* Экономическое развитие России: традиции и реформы (опыт институционального анализа): автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2003. 252 с.
27. *Григоренко Д. Е.* Научное управление обществом и проекты науки (философско-методологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2012. 337 с.
28. *Градовский А. Д.* Общее государственное право. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. 384 с.